

18+

Иртимид Венис

Муромские
фантастории
Часть 2

Иртимид Венис Муромские фантаσμαгории. Часть 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73751593

ISBN 9785006967946

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Вторая часть Муромских фантаσμαгорий от Иртимида Вениса. Еще один разбор квантовой гипотезы в фантаσμαгоричном жанре. Обыгрывается вероятностная теория в пяти параллелях одновременно. Следи за цифрами, читатель, тебя ждет литературный квест.

Содержание

МУРОМСКИЕ ФАНТАСМАГОРИИ. ЧАСТЬ ВТОРАЯ	5
ГРОЗОВОЕ ЛОГОВО	14
КУЛЕБАКСКИЕ ВЕДЬМЫ. ПРОДОЛЖЕНИЕ	47
АГЛАЯ И ЭРОС	48
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Муромские фантазмагии. Часть 2

Иртимид Венис

© Иртимид Венис, 2026

ISBN 978-5-0069-6794-6 (т. 2)

ISBN 978-5-0069-6795-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

МУРОМСКИЕ ФАНТАСМАГОРИИ. ЧАСТЬ ВТОРАЯ КУЛЕБАКСКИЕ ВЕДЬМЫ. АЛЬМАНАХ

Соседями снизу въехало новое поколение кулебакских студентов. На моей памяти третье. Первое вселилось еще в моем детстве, когда мой собственный alma mater¹ восходил на запредельных горизонтах дальних земель. Потому и я смотрел на этих девушек также как в те земли – с недостижимым интересом. Парней туда собственники не заселяли, боясь вертепа.

Второе поколение девушек было скоротечным. Потому как тот самый нежелательный вертеп устраивали именно они.

И вот наконец, ушли мои старики, а я воспрял уверенностью в приведении девушек к неустойчивым состоянием души. Стояла темная зима на Старом Южном. Она особенно красочна и покойна. Там не чистится снег, падая мелкой пылью или крупными перьями, взрастая в трескучие стены су-

¹ Лат. Alma mater – учебное заведение

гробов. И фонари не имеют там свет, полагая снежному ковру отражать блеск звезд. Район тихий по-пожилому. Своего рода соревнование в экономии энергии, будь то коммунальные платежи или телодвижения. Так окна стояли темны, а улицы безлюдны. В редкий час запорошенный соседский кот просеменит в подъезд. Голые деревья стояли гнетущим, будто фантазийным лесом враждебной территории. Уровень за уровнем снег стелился на снег на крышах сараев и гаражей, тянувшихся в три ряда. Каждый из них кладовая интересных вещей инструментов. Наш сарай был самый маленький, но имел самый большой замок. В ширину внутри не более двух метров, к тому же пространство краля стена березовых поленьев. Имелся и погреб, где влажно и прохладно, а в нем засол и варенье на любой вкус. Сарай сейчас стоит занесенный наполовину.

Вспоминаю, как летними днями дед сидел на стуле, по форме словно вырезанном из бочки, с голым торсом точно страж при входе. Голова его тогда была уже седа, но еще курчава, плечи крепки, а живот объемист со шрамом формы разрезанного пополам яблока от операции по удалению грыжи. Дед всегда имел вид задумчивый. Говорить лишнего по трезвости не любил. Спроси деда о чем тот думает: «Вот вишня зреет».

Верно, вишня в соседском палисаднике зрела, где я и сам следил за ней, приметив ближайшую к солнцу уже розовевшую. Пусть дойдет. И что вы думаете? Какой-то негодяй

обскакал меня, верно на свадебный торт сорвал одну поспевшую.

Частенько сарай пах иначе. Не лежалой одеждой, не березовым поленом, а пивом и сухой рыбой. То дед отдыхает с мужиками, после чего мог впасть в запой и перейти на водку. Вот уж тогда он нес ахинею, его энергия уже не экономилась, он начинал всех всему учить, работать, спиливать деревья, а наутро дивился пропаже. Пьяный не давал ночью спать разговорами и песнями, держась за дверной косяк между комнат. Трезвым же будил рано утром громким тревожным новостным вступлением и последующим голосом дикторши. Затем шли чрезвычайные происшествия, где как-то раз он увидел моего отца, пострадавшего в легком ДТП:

– Смотри, Владька, – крикнул тогда он баушке.

Интервью с отцом было коротким, но дед его пересказывал годами с неугасающей живостью.

– Стоит в рубашке, трясется, – последнее он добавлял от себя, ибо отец держался без нервов.

Дед же через некоторое время различил отца и на выставке автосалонов. Дед же выглядел и меня на параде победы, к которому я не имел никакого отношения. Но воскресное утро было кошмарно. С раннего утра запевала деревня под любимую гармонь, громкость телевизора упиралась в крайнюю шкалу. Первая моя мысль, что я сплю в трусах и пропускаю застолье.

Под будничные новости я еще мог как-то вернуться в сон,

пробуждаясь от дедовского:

– Чу – сука! – где Чу – фамилия политика того времени.

И так следом шли сволочи, твари, падлы по очередности появления на экране Пу, Зю, Жи. И всей той шельмы, что ниже рангом. Даже патриарх в том списке. Дед критиковал предельно лаконично и метко.

– Мы должны сплотиться как единая нация, единый народ.

– Сука-то! – так по-народному.

После утренней информационной справки включалась электробритва, которая в мыслях моего пробуждения фигурировала как дрель. Затем шла охота на мух и комаров с газетой, от которой звенели плафоны и уже после шел сканворд, и мне, еще лежащему в кровати, задавались вопросы.

– Тимк! Тимк! Ты написал фальшивомонетчик? – обнаружил он с утра, – я все вспоминал вчера.

По мере моего взросления сканворд становился все легче. В раннем детстве играли в лото, до сих пор особая аура от воспоминаний этого мешка с бочонками. Ни с чьей не сравнима дедовская забота остудить чай в холодильнике. Или очистить семечки от скорлупы.

– Не горстью, не горстью – по одной ешь.

Распить принесенную мной банку пива на двоих тоже удовольствие особого рода.

Раньше в ванной комнате крал место титан. Для него и запасены всегда поленья. А я его жег даже когда не мылся, за-

бив до отказа, наблюдая как справляется неуемное пламя. Титан придавал принятию ванны мечтательную атмосферу, когда он же и нагревал, он же и светил, он же и заворачивал. Позже его заменила газовая колонка где-то в углу кухни и еще одна прелесть детства осталась в прошлом.

Дед привил привычку всем смотреть в окно зимой и летом. Он открывал фрамугу и с голым торсом высовывался наружу.

– Рим, посмотри! – отнюдь не колизею с театрального помоста вещал он, а звал баушку по имени, – вон Квашня идет!

А я подыгрывал:

– Где Квашня?

– Вон Квашня. Пошла куда-то, – казал он пальцем.

И странные приветствия были у их поколения. Проходившие мимо окна, завидев его:

– Иван Алексанычу!

И он отвечал им по их имени-отчеству. Я также стал кричать деду, но он не откликался на мой юмор.

Мне всегда казалось, что после стольких лет созерцания, раздумий и диванных зевов дед скопит силы и тронется в далекий путь. И конечным пунктом его я полагал будет Тибет, Шамбала, улица Коммунистическая, дом 1. Так бы и произошло, если бы не затянувшаяся болезнь. Путешествие откладывалось до выздоровления.

А ныне зима, тоскливо провисли провода, но мне милее

нет места на свете в своем уединении. Сегодня не смеются девочки снизу. Но я то знаю, что они там, потому и собрался одетый по-домашнему, но элегантно, с беспокойством о протечке трубы. Появление мое будет извинительно.

А девушки затихли над чернокнижием. И в момент после произнесения:

– Унтагт!² – слышали требовательный стук в дверь.

Увы, у меня уже не было того осведомителя как баушка, и о девушках я ничего не знал.

А девчонки послали самую пронырливую, миниатюрную светло-русую с острым лисьем носом, всегда чуввшим правду.

– У вас не затопило? – взволнованно протараторил я.

И как я и надеялся меня впустили проверить потолочную течь, что пробилась в моем воображении. Так озабочено я познакомился с открывшей мне Региной и томной черноволосой Аннет и статной Надей, а они со своим «Унтагт».

После успешного устранения напасти мы присели в один кружок на ковре. Практический сеанс был ими отложен. Я легковесно расположил их к себе, что они выдали мне сокровенные особенности их недостатков. Так Регина сказала, что хотела бы исправить себе те самые рытвины от оспы, что бороздили ее лицо. Они показались мне столь мелки, что в свечном свете остались незамеченными.

Я придвинул ее ближе к пламени и внимательно разгля-

² Маг. «Явись!»

дел ее лицо в своих ладонях, поворачивая к огню то одну, то другую сторону. И тут я нашелся с утешением:

– То у тебя не рытвины, Регина, – изрек я, – и не колодцы, то могилы твоих поклонников, принявших смерть от разбитого сердца, потерявших надежду завоевать твое.

Девушки засмеялись, но мое внимание перехватила Аннет:

– А у меня ноги большие, – сказала она с застывшей в ее лице меланхолией, слегка надув губы, – сорок второй размер.

– Да да, у нее большие ноги, – подхватили девушки.

Босые ступни она высвободила из-под себя. На мой жест покорно вверив их моим ладоням.

– Ах, Аннет, знала бы ты как прекрасны твои ноги без единой мозоли и натоптыша, великолепные длинные пальцы, – ее проблеме я уделил больше существенности и внимания, более трепетно разглядев их, – Аннет, я бы спился от вина, что выжала бы ты своими дивными ногами, а длинны они в меру твоему росту, но что важнее, не узки и не широки. От своего совершенства хотят они быть на виду, не прячь их более.

От этих слов ступни Аннет налились теплом.

– Действительно шикарные у тебя ноги, – разглядывали девушки ноги Аннет, будто увидев их впервые.

Владелице вернули ноги и та уже стала сидеть по-турецки также слегка припухнув губы, но уже с радушием в карих

глазах, над которыми нависла ровная челка черных волос, спускавшихся прямым водопадом ниже плеч.

Настал черед Нади, девушки ростом выше Аннет и столь ладным телом, что ей в пору было бы промолчать, ибо грудь ее была налита лучшим тропическим соком, а стан несет этот бюст сбитым тяглом от ягодиц до икр.

– Что касается ног, то они размером более аннетиных, – стеснялась она, – но здесь ничего не поделаешь. Все имеет свои пропорции, а проблема у меня иного рода, – девушки уже кивали головой, прогоняя ее робость, подгоняя откровенность, – говорят в постели я бревно, – ее залила краска.

Склонила голову с волосами цвета шатен, опустив голубые глаза в пол на свечу, пряча широкую улыбку с ямками, которую она в самокритике не смела явить. Видимо Надя не чувствует до конца раскрепощения той природы, которой она цветет, дарованной ей от природы-матери.

– Да, да, бревно, – подтвердили подруги.

Мне было, о чем задуматься в столь деликатном решении:

– НадИн, любые самые зеленые, раскидистые, имеющие сладкие райские плоды и самые ароматные цветы деревья по сути своей бревно, а ты, должно быть, из тех древ, на коих восседают дриады и щебечут птицы. Нужен долгий и упорный труд, чтобы иметь право наслаждаться отдыхом под его сенью, возвращать, поливать и ухаживать не месяца, но годы.

Девушки так и ахнули от моей мудрости, эффект ошеломляющий своей неожиданностью. И только я знал, что корень

красноречия в почве моего инстинкта.

– А еще у нас грудь маленькая, да, грудь маленькая! – в суете бросали Регина и Аннет.

Надя же скромно отмалчивалась.

Затем Регина попросила меня, она была самая раскованной:

– Расскажи про грозы, здесь, дядя Саша рассказывал, влетают шаровые молнии в квартиры.

Аннет и Надя выразили солидарность ее интересу.

ГРОЗОВОЕ ЛОГОВО

Ныне я был один в квартире, куда всегда рвалась моя душа, где она была безмятежна. Я обожаю слушать тиканье этих часов, что отмеряют секунды в разном темпе, если хорошенько прислушаться. Здесь мне нравится преследовать мечту, здесь я ее почти догоняю. Особенно прекрасны грозовые вечера в темноте за чаем. Я жду когда меня судьбоносно разразит молния. Но этого пока не происходит. И резонирует от грома сервант, а в серванте хрустальный сервиз. Из Гусь-Хрустального конечно же. В одну из таких ночей в дверь позвонили и по русской народной примете я подумал, что это арест, но дверь открыл.

Вошли двое одетые по-осеннему в темное. Я впустил их, заметив, что одна из них женщина. Они были схожи и выглядели старомодно, одеты по-деловому, даже по-траурному. Они дождались и моего приглашения в зал. Мужчина статен, но невыразителен. Жена чем-то похожа на него, оба ничем не привлекательны. А лица их вовсе имеют какие-то звериные черты, сложно сказать, но большие глаза, широкая переносица, а сам нос маленький, маленькие рты и сплюснутые губы. Похоже, инопланетяне, но тут же сама эта мысль показалась недостойной. Грешить на людей из-за их внешности поспешно, хоть и оправдано, ибо всякая черта отражает характер.

– Здравствуйте, – поздоровались они еще раз, я ответил им тем же.

Пусть они и принесли с собой зонт, однако он не абсолютно уберег их от мороси. Мужчина снял свой котелок и стоял, а женщина – шляпку, и присела. Картина будто на старом семейном фото. Жена уже находилась в видимом положении.

– Прежде всего, – мялся муж, но по всему было видно, что говорить предстоит жене.

Она и продолжила:

– Хотим выразить большую признательность. Вы спасли нас когда-то давно. Вы нам более, чем родной отец, о, отец наш недостойный. Вы нам как отец небесный.

Я опешил, верно здесь ошибка. В адресе или в человеке, а скорее, я бы предположил потусторонний или временной казус.

– Ошибки здесь быть не может, – невозмутимо опровергла она мои мысли, – это мой муж Альфред, а я Элис, по-вашему Алиса, если хотите.

Те супружеские позывные, коими я их нарек в своей голове, оказались верными. Казус оказался еще и международным. По всей видимости англичане, очень своеобразный акцент.

– Я лишь расскажу, что мы с Альфредом из одной семьи. Да мы родные брат с сестрой, Альфред стал мне хорошим мужем, а теперь он будет и хорошим отцом.

Альфред приосанился еще больше, тросточкой поколаци-

вая палас.

– Поймите нас правильно. Простите, мы даже не знаем вашего имени, но готовы поклясться в наших добрых намерениях. Пасть перед Вами на колени, дайте поцеловать же вашу руку, – к руке потянулся и Альфред.

– Стойте, стойте, – смутился я, торопясь остановить розыгрыш, – не знаю, что вам нужно, но вы ошиблись и вообще прекратите цирк, кто вас прислал?

Леди и джентльмен опустили на колени, умоляя поверить, а я изумленно бросился их поднимать, но запаха спирта не почувствовал.

– Простите нас, мы просто действительно знаем Вас. Но как это сказать по-вашему? По мифу что ли или как детская сказка что ли, – искала изъяснение супруга.

Муж тяжелодумно молчал. Видимо не находя слов, возможно совсем плохо владел языком.

– Как ваше имя, милорд? – спросила она и тут же исправилась, – сударь.

Я представился, не сразу вспомнив свое имя, почему-то в мыслях начав переводить его на английский, а потом медлил назвать, думая, что вдруг это наемные убийцы. Я не был убит, лишь еще раз выслушал признательность и заверения в преданности. Ни самый эффективный способ убийства, но подсветить газом³ вполне подойдет.

– Поймите, – продолжала она, вся наша семья Вам благо-

³ англ. gaslighting

дарна, – мы не знаем, что можем для Вас сделать.

– Уйдите, – и они переглянулись.

Наконец-то тишина и слышны часы, и гроыхнуло за окном, но через секунду вновь тишина и она уже нестерпима.

– Зачем вы пришли?

Они замялись, в том то и была суть, многозначительно посмотрев друг на друга и вновь инициативно перехватила жена:

– Просить о помощи, – ее залило смущение.

Здесь же была и тревога. Подернув плечами я ждал продолжения.

– Вы читали в детстве мифы? – ввернула она опять свою абстракцину.

– Да, но не про себя, – съязвил я.

Впрочем, самолюбие и любопытство во мне возликовали.

– Читали про Сатурна, пожиравшего своих детей?

Мне вспомнилось лишь творение кисти, внушавшее страх.

– Та же опасность грозит и нам. Мы бы не стали Вас искать или обременять, или хуже того – подвергать опасности, но Вы видите, я в положении, и мы в отчаянии.

– Кто же вас разыскивает?

– Ах, само безумие! – повела она рукой воздух, затем заведя мое недовольство поспешила, – наш отец.

Вновь минута тишины, чтобы я впитал их правду, после чего она продолжила:

– Это и впрямь что-то вроде мифа, пожирая плоть детей своих, он станет сильнее. Станет единым.

– Вам нужно спрятаться? – гадал я.

– О, что Вы, ваша квартира не подходящее убежище, скажу больше, мы рисковали, покинув свое, оно вполне нас устраивает, но исключать ничего нельзя.

Затем она перевела дыхание:

– Просто когда он придет к Вам, а придет он с хитростью, надеюсь, что Вы поверите в его обман, не верьте. Не выдайте тех, кто Вам обязан жизнью, кого Вы, спрятав, спасли много лет назад от страшной участи.

– Но я не знаю того места, где вас спрятал. Я и вас-то не помню.

– Тем лучше для всех, – она стала прощаться, – мы будем сражаться. Я скорее отдам свое дитя Чучельнику, чем своему отцу, – тон ее стал твердым, как абразив.

Я проводил их, надеюсь, что прервется и мой сон, столь сумбурный в грозу. Я погасил свет, но разум мой никак не мог уgomониться. Он вспоминал людей, места, но не при свете, ни во мраке даль не приоткрывалась мне, оставаясь непроницаемой и дождь накрапывал монотонней хода часов, а молнии кружили разбушевавшимися ведьмами. Куда то пошли англичане-кровосмешенцы? Не может же быть такое, что в столь неподходящий вечер они брели издалека, разве что действительно предупреждая немислимое вышли из своего убежища, когда ни одна живая тварь на улицу нос

не сует.

В дверь вновь отзвонились. Верно забыли что-то, но тут же острым винтом вкрутилась тревога. Пусть так, но я все же ни в чем не виноват, следовательно, я могу открывать дверь своего дома, когда заблагорассудится и кому посчитаю нужным. Слабое самозаверение, разум и руки уже осязали его зыбкость, уже открывая дверь. Передо мной стоял юноша. Его молодость и красота настолько обезоруживали, что я его не только впустил без вопросов, но и сначала проявил беспокойство о его удобстве, нежели о том кто он сам такой.

– Хочу поблагодарить тебя, друг мой, – вступил он с легкостью для нас обоих.

Его улыбка, его тембр, вся энергия от него в этой комнате источали очарование и доброту, столь искреннюю, что усомниться в ней казалось невероятно.

– Я очень рад иметь такого друга, – ответил я ему беззаветно, – сегодня уже ты не первый, кто приходит в мой дом с благодарным сердцем. Однако со столь легким – ты первый.

– Но скажи, кто же они были, какие из себя? – и я ему отвечал какие то были смурные, озадаченные гости со схожими с ним звериными чертами родства.

К слову его лицевая нестандартность имела более мягкие изгибы. Он внимал мне с интересом, так что я чуть стало не заподозрил с их стороны игры. Я поведал ему весь разговор от начала до завершения, а он выслушал с прилежанием и со вниманием. Я заметил в его улыбке острые зубы, коих

не мог видеть у строгой супружеской пары.

– Это мои родные брат с сестрой, – удивлял он меня все более, ибо сказал это более догадкой, нежели фактом.

– Вас разлучили когда-то? Ты как будто незнаком с ними?

Он мечтал взглядом где-то вдали:

– Мы виделись в нашем детстве, но тогда мы выглядели иначе, а я был болезненным ребенком, – развел он руками, впрочем не теряя прежнего святого духа, – я помню мать. Она, должно быть, тоже выглядит иначе.

– Жива ли она? – я уловил свою бесцеремонность.

Но он не замедлил:

– Определенно жива.

Мы вновь молчали, но иначе чем это было с тягостной четой, с неким благоговением.

– Ты, должно быть, живешь где-то далеко? – нарушил я его проникновенное созерцание.

– Мы все в одном прекрасном месте, – благоволил он мне кротким ответом, – в которое ты нас поселил. Ты можешь этого не помнить, ведь это случилось так давно, но мы помним. Только я живу, не знаю как это сказать по-вашему, на другом этаже. На цокольном. Иногда лишь меня посещает один из братьев.

Мне не хотелось вдаваться в нарушенную логику. Столь умиротворен я был в те минуты.

– Как твое имя? – вдруг пришло мне на ум, будто забытое главное.

– Что такое имя? – поставил он меня в тупик.

Я посчитал, что вопрос из ряда философских и уже пустился было в размышления, но увидел в его глазах наивное непонимание.

– А как бы ты меня назвал?

Я с минуту подумал, вспомнил Альфреда и Алису:

– Ансельм, – назвал я его так, с чем он горделиво согласился, словно затем он и пришел ко мне, – ты тоже боишься отца, Ансельм?

Тот напоследок одарил меня улыбкой:

– Нет.

После его ухода я корил себя, что не задал ему вопросы конкретные, по существу, прямые, но наверное, так суждено нам по жизни.

А тем временем дверь вновь подала голос. На сей раз не звонили, а глухой стук затряс ее. Я надеялся, что это вернулся Ансельм, но уже понимал, что так кто-то иной отзывается извне. Я открыл дверь, в глазок разглядывать темноту площадки не имело смысла и в квартиру ворвались вонь и спиртовые пары:

– Не вижу, – тянуло нечто свои руки, которые я хотел оттолкнуть своими, но тот ошибочно принял их за помощь и схватился, – вот так спасибо.

И он вошел внутрь. Поздно было обнаруживать свой страх – дверь закрылась.

– Включи свет, владыко, – заговорил он грудным басом, –

я не вижу.

Я проводил его в комнату и усадил в гостевое кресло, после чего включил свет. Меня объял ужас, на меня смотрела не голова, но кровавые язвы. Тучный человек улыбался страшным оскалом, от человеческого далеким:

– Теперь я тебя вижу, – обдал он меня тревогой и отвращением, – не пугайся, я такой с рождения, разве ты не помнишь?

Разве мог я такой забыть? Кошмар наяву, закрытые гноем раны вместо глаз. Но вспомнить я не мог.

– Кто с тобой сотворил такое?

Существо, в чьем облике звериного намного более нежели в звере, мне отвечало:

– Я с рождения такой, сама природа изувечила меня, должно быть, за грехи отца.

И меня знобило при виде того, как под этими веками запекшейся и сочащейся крови блуждает островок глаза, делая усилия приоткрыть хоть на дюйм нависшее веко.

– Протри мне глаза чаем. Пусть ненадолго, но должно помочь, а я поведаю тебе свою историю.

Я вымочил в чайном ковше полотенце. Лишь бы плотнее была стена прикосновения между мной и его страданием.

– Я страдал с детства, такими мы родились с братом. Но на него вскоре пришла господня милость, он умер. Я же вынужден страдать день ото дня все сильнее, глаза мои воспалились, превратив меня не только в уроду, но и в калеку.

Остальные братья и сестры не играли со мной. Настолько я был прокажен. Я старался быть сильным и много пил материнского молока. Второй мой брат, не столько по крови, сколько по несчастью, слабел день ото дня. Невозможно было уснуть от его нескончаемого плача, и я тогда злорадствовал, что был кто-то более несчастный, чем я на этой земле. Но я знал, что его участь постигнет и меня, закон природы, суров и неумолим. Затем пришел ты, ты спас нас; других – от отца, меня же – от вещи более неукоснительной.

– Разве нет лекарства, что могло бы тебе помочь?

Мысль запульсировала где-то там, под его болью.

– Лекарство могло мне помочь лишь в детстве, но кому до этого дело? – спокойно говорил он, – там, куда ты нас определил своей добродетелью, место поистине райское. Там нет места переменам, оно стерильно. Я свыкся со своими страданиями. Порой я даже прозреваю одним глазом, иногда до меня доносятся эти чудесные запахи гортензии, шиповника и полевых цветов. Иногда я навещаю Элис и Альфреда, и совсем уж хорошо вижу. Иногда я вижу идеально, когда навещаю другого брата, не знаю его имени, но я бы не хотел жить в его мире. Возможно, когда-нибудь будет явлен выход? Но пока что моя судьба остается удручающей. Не горюй обо мне, о, владыко, я радуюсь каждому дню прожитому благодаря тебе, но радость моя особая.

И он улыбнулся искренне, но горше любого плача.

– А отец? – смотрел я на него уже без отвращения, при-

выкши.

– Брат с сестрой ждут ребенка. Стало быть, у меня племянник будет или племянница. Может быть у них будет много детей и одного они подарят мне. И он станет моими глазами. А если это будет девочка? Она может с годами стать моей женой? – мечтал он уже грязными мечтами.

Почувствовав мое пренебрежение поспешил вставая.

– Прошу простить, мне пора идти, от меня, должно быть, смердит за километр. А это не только бестактно с моей стороны, но еще и опасно. Но знаешь ли, я не совсем незряч. Кроме того, довольно крупен, чтобы стать легкой добычей. Однако борщевик этот чуть не сжег мне последний просвет. Да, – он прочмокал последнее да, словно поставив себе точку.

– Как же тебя зовут? – спросил я и он повернул свою косматую голову с разными оттенками волос. Полосы их были темные, седые и соломенные.

– Феликс, – пробурчал он, – однозначно Феликс.

Его я выпустил вновь с чувством амбивалентным, сочетание облегчения и задачи. Видимо следовало за ним проследить, но что-то мне подсказывало, что это достаточно опасное предприятие. Он сказал, что шел через борщевик. Я хотя бы знал этот маршрут, но сердце мое запрещало следовать по его пятам. Где же столь заповедное место, столь райское и проклятое, где живут эти полулюди-полузвери? Мне стало жутко и любопытно, единственное же, где следовало искать

ответ были мои реминисценции, но они не давали мне картинки, а те разрозненные подсказки, что я собрал, только запутывали меня еще более.

И я побежал, пересилив страх, наскоро собравшись. И ноги мои уже барабанили по деревянным ступеням. И свежий воздух грозы отдавал мокрой землей. Я бежал до тех пор, пока не увидел силуэт впереди меня, абрис спины сутулой и крепкой. Я затаился в зарослях деревьев, когда некто Феликс остановился, чтобы обернуться в промозглую тьму, тогда я подумал, что не темень, но ветер может выдать мое присутствие. Феликс ли это был, но он ускорился. По всей видимости более по привычке, чем по подозрению. Он перешагнул через рельсовые пути прямо перед проездными воротами завода. В нескольких метрах от ворот мок почерневший массив – поездной состав, дожидавшийся утреннего часа. Я бросился в заросли борщевика следом. И вот уже сам различал выделения этого жгучего сорняка, приглушенные дождем. Опасаясь, что в этих непролазных дебрях могут поджидать и меня я старался ориентироваться по звуку, но уловить что-либо кроме накрапа дождя на эти огромные и ядовитые зонты мне не удалось. Я стремглав бросился по короткому пути выхода из муромских смертоносных джунглей, мои ботинки утопали в размытьи. Следов же я не обнаружил, выйдя к Карачаровскому шоссе. Вокруг был мрак, тишина; транспорт не проходил мимо, фонари не горели. Единственный видимый дом на улице Энергетиков – серая неказистая

двухэтажка спала в тени раскидистых деревьев. Я уже повернул обратно промокший и обляпанный, как увидел ту самую тающую тень, перешедшую шоссе и юркнувшую во двор улицы Энергетиков.

Я вспомнил тот двор: его фасад был предельно мрачен, вышеупомянутая выцветшая двухэтажка, окна в ней были либо плотно занавешены, либо заколочены, в остальных, в костяке деревянных ветхих рам, никогда не брезжил свет. Я полагал, что дом заброшен, но то лишь иллюзия, стоит зайти во двор и вашему взгляду предстанут дивные по своим краскам и уходу палисадники, множество цветов, аккуратные дворы и подстриженный газон. Когда мы с Романом туда пришли, превозмогая детский страх, он сказал, указывая на все это: «Смотри, Америка». И действительно словно врата в иной мир, где жизнь отдыхает, а не рвется отдохнуть. Теперь понятно, почему столь отгалкивающий вид у первого дома, той горгульи, что самое место предварять кладбищенскую ограду, но она стоит на посту в рай. Если бы я мог остаться навечно в одном из мест, я бы выбрал Старый Южный, если бы я был объективен – улицу Энергетиков.

Точнее не улицу, но двор из нескольких двухэтажных коробок на манер южных. Я это место никогда не поминал, оно жило исключительно в моем детстве. Меня с ним ничего не связывало ранее. У меня не было там ни друзей, ни знакомых, лишь одна неразгаданная тайна. Я побоялся войти во двор, боясь обрезать ту малую нить разгадки. Как всегда

где-то по стеклу пустить трещину, надорвать страницу или капнуть на новую скатерть.

Завтра я приду туда же, когда все вновь будет в цвету и птичьим пением, и обязательно навещу тех самых неожиданных гостей с ответным визитом. И не гроза, а солнце будет со мной эмиссаром.

Проходя крыльцо своего дома я заметил на дверях множества бумаг с объявлениями: продам, сниму, сдам – все с отрывными номерами. Здесь были и рекламы лотереи, новых магазинов и распродаж. Было и одно молебное: пропала девочка Таша. Довольно давно, прилагалась и фотография. Просьба оказать помощь в розысках.

Объявление старое, бумага выцвела и уже пожелтела, но в отличие от остальных, оставалось нетронутым срывом соседских рук – ценителей голой дверной красоты. Как-то ее судьба сложилась?

Я стаскивал с себя влипшие в меня вещи, когда услышал степенный звонок в мою гостеприимную дверь, звонок обстоятельный и деловой из троекратных коротких с одинаковыми промежутками между ними. Конечно, на такой солиднейший звонок я открыл дверь, ибо если не открыть ее сейчас, не следовало бы впускать и первых со звонками хаотичными, а то и вовсе с наглым стуком.

Вошел осанистый господин с пшеничными бакенбардами. – МоррИс, – глядел он прямоком в мои глаза, в его же – сверкало зеленое пламя, – именно МоррИс, а не МОррис.

– Входите, – пригласил я его робея по-рабски перед превосходительством в классе, а затем, – присаживайтесь, чему могу быть полезен?

Моррис обнюхался, и так поняв, что их звериные повадки довольно страны, я предложил ему стул вместо кресла.

– У Вас уже сегодня были гости, не так ли? – глупо было отрицать очевидные для его чутья вещи, – так где Вы их прячете?

Он стал бесцеремонно ходить по квартире, открывая шкафы, заглядывая под кровать.

– Они все ушли, – пытался я сохранить самообладание, – все вместе, по одному, вдвоем.

– Где они? – не вопрос, но пристальная пытка.

Я уже хотел выдать все, что знал, но через пару вздохов лишь сказал:

– Страшный Вы человек Моррис.

Я думал, что буду разорван на месте. И тогда уже будут предавать, а пока еще хватает духу искать украдкой ножи.

Но Моррис переменялся, присел на кухне нога поперек ноги и закурил, предложил мне, я не отказался. Более того, расхваливал сигарету, которую еле сдерживал в легких, боясь зайти в кашле, так и держал позыв в себе, пока он не скопил достаточный для прорыва импульс, когда я уже не в состоянии был терпеть. И я закашлялся.

– Вы не курите, – всмотрелся в меня Моррис с непониманием, – зачем же взяли сигарету?

– В такие моменты принято курить вдвоем.

Свою Моррис уже добивал. В нем были семейные звериные черты, но значительно более растворившиеся в человеческом облике.

– Знаете, – начал успокоившись он, – пусть остаются там, где они прячутся, лишь бы не выходили в этот мир. Не знаю, что уж Вам обо мне наговорили, но у меня опасаться их оснований не меньше, чем у них опасаться меня.

Я любовался его статью, великолепно сложенной в грациозных движениях, будто сам милорд. Элегантно одет и дорого надушен, в сравнении с этим джентльменом Альфред – отребье.

– Ничего страшного нет, чтобы они освежались в грозу раз в год, – уже деловито теоретизировал он, – однако Вы же читали Писание? И явится антихрист из кровосмесительного чрева и будет он внешне красив, как ангел, и кроток, как агнец, но приведет он с собой уродов страшных и прокаженных, чуму, войну и голод.

В проповедях он был тверд.

– Но пока они не принесли страшный приплод, пусть живут себе на здоровье. Помните, апокалипсис начинается с рая.

Он направился к выходу столь широким шагом, что я еле поспел за ним, опасаясь, что он вынесет дверь.

– Одумайтесь, – сказал его профиль через плечо, – миры пересекаться не должны.

Померкли впечатления ночи, смешиваясь и гася драматизм, ужас и отвращение. И как мне не импонировал Моррис, вмешиваться в их семейные дразги я не хотел, потому не принял ни одной из сторон. Но и на этом труды верного дверного оповестителя не завершились, и вот уже мои ноги торопливо шаркают по паласам на два протяжных. Я просто успел, звонки бы продолжались до бесконечности, и вот почему. На сей раз моим гостем была женщина средних лет с мальчуганом, совсем малым, хмурым и неразговорчивым, женщина была страшного вида, ее волосы были черны, но с сильной проседью, что казалось сама зима вихриться в ночи. А эти ее безумные глаза полные судороги многим страшнее, нежели уродство Феликса или властность Морриса.

– Аксинья, – сквозь зубы протянула она мне свою ладонь, холодную как стратосфера.

Я глядел в ее лицо, и чем дольше вглядывался, тем меньше находил людского в нем. Одета она была по-монашески в черную рясу, верно совсем полоумная, само собой подол ее изгваздан непогодой, что меня успокоило: она не прилетела прямиком на молнии.

– Ваш младший? – кивнул я на пацана, который тут же спрятался за мать.

– О, чудо, что Вы его видите таким, каким его вижу я, – по всей видимости чудо у нее связано с чем-то болезненным, судя по гримасе, – остальные говорят, что я таскаю косточки

на веревочке, боятся меня, мол, вот я сумасшедшая.

От ее торжества разило алкоголем, табаком, тухлой капустой и мокрой псиной.

– Так расскажите мне о своем муже, – дивился я несоответствием связи.

– Мой муж, – ее лицо кривила кислота, – изверг, монстр, каннибал, не иначе.

Из них двоих, я бы предпочел его компанию, нежели общество святой матери многих детей.

– Вы не понимаете, – начала она развеивать мое непонимание, – я подверглась с его стороны насилию, но то был лишь миг из вечности моих страданий. Я понесла, нелегко в нашем нищенстве родить шестерых, еще труднее их прокормить, вырастить. Благо одного удушила пуповина, прости Господь, – крестилась она, – не слушай малыш, – но мальчуган исчез.

Я принялся было искать его по квартире, но она меня остановила:

– Он всегда исчезает, когда кто-то упоминает о нем как о покойном, но он всегда со мной, – показала она на чело своего безумия, – Вы не видели ужасное детство, которое ни один инферналист не напишет в своих картинах, когда он на мою малютку, девочку, чистую как ангелы, растерзал ее словно дьявол, как тресцали в его челюстях ее слабые молочные кости и ее предсмертный крик таял в его смакующем удовольствии, упиваемом ее кровью, и наслаждение, жуткое,

как у огня, испытывали его глаза жадно поглощая родную дочь.

Я был заморожен ее адским повествованием, меня зашата-ло, ее слова и эмоции сплавлялись льдинами в моих жилах. И хотелось кричать и плакать, молить прощения и спасения.

– Мне оставалось лишь крепче прижимать к себе оставшихся детей, вопящих от голода и ужаса, а я не в состоянии отвести взгляда от останков той, что не наречена, коей не суждено вырасти и видеть свет, пока ее доклевывали вороны-падальщицы, злым гарканьем насмехаясь, воздавая хвалу за пир.

Она словно вытащила из меня все краски жизни и набила до отказа горем и отчаянием.

– Двое из оставшихся сильно болели, страшная проказа, знаете ли, вначале похожая на утренний сон, но день ото дня она разрасталась и набухала.

Повествованию ее аккомпанировал сам гром.

– И вот уже глаза их заволокло недугом. Каково это видеть матери и не иметь возможности помочь своим детям, а те пищали от боли, утихая лишь на время при кормлении. Затем один из них стал есть все меньше и меньше, пока не перестал есть совсем. Я его трогала, но в ответ звучало лишь слабое дыхание. Он был еще теплый, но уже уходил. Что думал он в этот момент, ждал ли помощи или жаждал быстрее покинуть жестокий мир проклятый навеки детскими мучениями? Второй боролся за жизнь отчаянно, не отходил от моей

груди, боясь больше не найти ее, а затем в мое отсутствие явился некто и забрал всех.

– Кто? – прошептал поседевший я, потерявший волю и душу, и голос.

Я знал ответ, но этот направленный на меня палец, прямой напоминавший стилет, и бездна черных глаз убили меня наповал, и это «ты», совпавшее с громовым залпом остановило мое сердце. Я хотел сглотнуть и не мог, ком в горле был огромен и угрожал мне удушьем. Но ожившее сердце робким импульсом протолкнуло его внутрь. Меня затошнило, а Аксинья похлопала меня по плечу, приводя в себя.

– Как я орала, как страдала, не находя места себе и не находила места того самого, куда ты их спрятал. Я проклинала, и я помешалась. Пока наконец не пришел ко мне мой маленький утешитель, – и она обняла внезапно появившегося в дугах ее рук мальчика, также хмуро и молчаливо на меня косившегося исподлобья.

– Простите, – шептал я, достигнув дна человеческой вины.

– Не стоит. Позже я возблагодарю тебя за то, что ты сотворил величайшее добро, спас их от неминуемой опасности страшного мира, переместив их в мир вечного лета и радости, где их не мог настичь самый ужасный из кошмаров – их отец. Я перестала их искать, ибо он следил за мной долгое время, думая что это мои ходы. Но и я за ним присматривала, зная что его поиски бесплодны. Как-то раз он изловил

ворону, стал трепать ее нутро, вороны в нашем мире не такие как в вашем, они огромны как собаки. И тогда в пытке вырванных кишок и разлетевшихся перьев на последнем издыхании ворона прокричала одно лишь слово: «Шарп!»

Этот «Шарп!» мое представление сделало крайне выразительной картинкой.

– Но более ему разузнать не удалось. Я же как могла путала следы, уходя далеко, ожидая в любую минуту своих сомкнувшихся век нападения, готовая повторить судьбу выпотрошенной вороны. Тогда, быть может, сказала бы все, что знаю, но знать я ничего не могла, потому была спокойна.

– Шарп! – гаркнула она по-вороньи, прорезав меня в глубину души.

– Что Вы хотите от меня? – пятился я.

– Отведите меня к ним, – решительно заявила она, – в рай. Я хочу видеть их всех, мы будем осторожны. Сейчас ему не до нас. Он отмечает очередное свое торжество, пьянствуя и веселясь.

После столь веского рассказа, давшего фору худшим кошмарным вымыслам, я не находил причин противиться ее воле. Мы шли вдвоем, мальчуган, по-видимому, поотстал, если это слово применительно к его состоянию. Вообще мы шли известным мне путем и наконец пришли к его устью.

Войдя внутрь на нас обрушилась вся гамма солнечного летнего дня. Цвела сирень и ромашки с одуванчиками вкраплялись в сочную зелень. Долго нам ждать не при-

шлось – Альфред и Элис вышли нам навстречу разодетые в цвета лета. Их одежда легка и удобна, в просторе платья обрисован круглый живот беременной Элис. Преобразилась и Аксинья, волосы ее распрямились и легли, будто осочьи стебли, а взгляд отражал солнце. Они сердечно обнялись и поцеловались.

– Благословляю вас, дети мои, – с искренним теплом, произнесла она, – плодитесь и размножайтесь.

– А где Феликс? – прервал я их семейное воссоединение.

– Мы его редко видим, – выразила Элис общее смятение, – но в последнее время я вижу его все чаще, знаете ли положение создает особые риски. Альфреда он старается избегать. Честно говоря, мне неприятно, что он касается моего живота.

– Та девочка, которую, Вы говорите, растерзал ваш супруг, – обратился я к Аксинье, – Вы ей не успели дать имя?

– Раздавать имена вне моей власти, – вновь уходила она на свои туманные низины.

Я решил покинуть их счастливое сборище, дабы не омрачать его своим присутствием.

Я прилег, дрожа, пока отогревались мои промокшие ноги. Мыслями я обратился в свои фантазии.

– Кира. Так я назову тебя несчастное дитя, раз уж я наделен сей привилегией.

И вновь звонила в дверь сама гроза, и влетел в нее вихрь – Аксиньев подол:

– Нет времени говорить здесь, – она встревоженная, как всегда, и как никогда, дергала мой рукав, – встретимся завтра, я приду.

И также ураганно унеслась прочь. Кого бояться этой женщине, которая во плоти была сам страх? Я уже не рассчитывал прилечь, ибо сердце мое неумнее напуганной мыши. И небезосновательно – в дверь заломилась суета, словно по ней задробил дождь и вместо грозовой тучи меня заторопил мальчик.

– Властелин, мама ранена, поспешим!

Вновь я спешу в грозовой тьме, к ней и от нее, перепрыгивая лужи, пока мальчуган бежал, не разбирая дороги, его тревога умчала разум вперед ног, и последние тщетно пытались обогнать реальность.

Мы пробежали двор седьмой школы, обогнув ее саму, выскочили к железной дороге, где на путях держась за живот и не удерживая нутро лежала Аксинья. Ее стальные окровавленные пальцы впились в мой рукав.

– Это был он, это он, – сквозь зубы, сдерживая обе боли, острую нынешнюю и перманентную вечную, проговорила она, – я умираю, а теперь, владыка, отведи моего сына в райское место и имя, дай же ему имя! – вырывалось у нее вместе с кровью последнее, – оставь, уйди, найди меня через два дня, дай мне побыть с сыном, – я запутался с каким сыном на этот раз.

Я уходил прочь, тянув за руку плачущего отпрыска, кото-

рый рвался назад к матери, но какой бы силой она не обладала, мне стало очевидно, что в ее распоряжении в лучшем случае с десятков минут, которые она собирается потратить на свою агонию, где в своем безумии будет счастлива и покинет мир безмятежнее, чем в нем жила. А покамест у меня перед глазами стояла эта обезображенная женщина, меж пальцев которой пульсировало нечто красное пенистое, что у других принято называть кровью. Но я не знал, как все это объяснить малышу, для кого жизнь, мать и смерть представлялись в едином лице. В мячик он играть не захотел, спрятавшись в квартире, надеюсь навсегда. Тщетно я искал его в сумраке комнат, но свет я зажигать не захотел, по старой привычке опасаясь, что гроза вышибет пробки.

Я встал и направился к двери, чтобы погладить ее и утихомирить, словно домашнюю тварь. Да, она вновь ожила на сей раз гулкими стуками. Ее перешагнул со спиртовой одышкой Феликс:

– Владыче! – переводил он тучное дыхание, – не взыщи! Меня навестила страшная женщина, которая назвалась мне матерью. Она на последнем издыхании собирала моток своих кишок.

Я ответил правду, что эта женщина действительно, насколько мне известно, приходилась ему матерью и будет пребывать, пока жива, в их общем доме. Феликс растерялся, открыв свой рот на проветривание.

– Что же ей кишки никто не заштопал? – после долгого

молчания спросил он.

– Некому, – устало изрек я, налив Феликсу водки.

Действительно, сколько идет гроза? Часы, недели, годы? Он удалился, и я мысленно пожелал ему удачи, чтобы не нарваться на Морриса, затем подумал, что Феликс хоть и непутевый, мало что увечный, но вышел не просто так в грозу, наверняка припрятав перочинный нож. Я пошел к железнодорожным путям, где давеча оставил на попечение смерти Аксинью. Кличить ее по имени поостерегся, слишком уж колдовскую силу оно имело, я пошел по следу ее крови, ее даже дождь не вправе размыть, ее и земля не впитывает. Путь мой был непродолжителен, зайдя в сады и огороды возле рельсовых путей обнаружил ее под первой же вишней, чело ее ознаменовал кровавый крест в круге, наподобие пуговицы. Глаза ее застыли безумием, мертвая она не потеряла силы злых внушений. Я посидел возле нее, недвижимый, мне чудилось, что она смотрит все время на меня, как не менял я угол. Наконец я посчитал, что достаточно уделил молчания Аксинье, а та в свою очередь, достаточно времени своему страдающему сыну, который был лишен той награды, какой я одарил его мать, закрыв ей глаза. Прикапывать ее было бы долго и подозрительно, гроза ей вполне подходящая могила.

Я стоял в прихожей, мокрый и готовый, только сняв свою кожанку, чтобы высвобожденными руками встречать гостя. Я перестал вздрагивать от звонков, не испытывая уж их внезапности. На сей раз явился Ансельм. И лик его, по-прежне-

му светлый, отдавал лучами грусти.

– Милый друг, почто ты привел ко мне ту женщину, что называет меня сыном, а я обязан называть ее матерью? – мягко произнес он, чем обезоружил меня от оправданий.

– Как она выглядит на лицо?

– Красивая, молодая, а взгляд мягче лепестков жасмина, – ровно поведал он.

– Ты знаешь каков на ощупь жасмин? Я не видел его среди цветущего рая.

– О, мой рай еще более пышен и разнообразен, нежели тот, который посещал ты, – туман не стал реже, он стал понятнее.

– Ты не рад видеть свою мать?

– Она слишком много просит прощения, – тяжело сказал он, но без сопутствующего выдоха, – она исповедовалась мне, сказав, что тяжело было выкормить всех нас, потому пришлось сделать нелегкий выбор, дав свою силу сильным, обделив тем самым слабых. Я думал, что незавидный жребий мне выпал природой, но оказывается, приговор мне вынесла чья-то жестокая воля. Тогда она сказала, что перестала кормить меня, что я плакал надрывно, а затем день ото дня все тише, пока наконец не замолчал навеки, не пригретый ни материнской грудью, ни сердцем.

– У нее теперь вечность, чтобы искупить неискупляемое, – таково мое утешение.

Думаю, что саму вечность эта фраза убедила. Прощай,

– Здравствуйте, – произнес озадаченно я.

– Привет, – ответила непринужденно девчонка, одетая строго, что никак не соответствовало ее привету. Она уже внеслась за порог любопытно и по-свойски.

– Кто ты? – еле поспевал я за ее суматохой в разглядывании моего убранства.

– Вспоминай, – рассматривала она уже хрустальный сервиз.

– Помогай, – принял я ее игру.

– Меня освободили, – игралась она со светом.

– Выключи, ты молнию зазовешь.

– До этого я жила в РИПе.

Я посчитал сначала, что это игра слов, но затем понял какой RIP она имеет в виду.

– Так вы там жили? – она в ответ еле заметно качнула головой, будто не уверена, – Кира? – и вновь слабый качок.

– Я тебя отведу в более подходящее место.

Промозглый год не утихал, благо я изредка высыхал под солнцем Энергетиков. Так и теперь с Кирой я вошел в обитель света, но свидетелем семейной драмы, волей безвременья осужденной стать идиллией, пробыл недолго. Ровно до тех пор, пока не начали обретать жизнь кирины кости, издавая хруст наподобие их дробления. Старый детский кошмар ею забытый сейчас вспомнило тело, сейчас ему надлежа-

ло повториться, но уже в обратную сторону. Разве все можно исправить?

Я вновь возвращен в непогоду, на сей раз из зарослей борщевика на меня смотрели два пристальных глаза. Я ускорился, но не бежал, опасаясь развить события ночи.

Некто пришла ко мне незамедлительно, промокшая и пугливая, но я определенно ее узнал. На волосах ее прилип репей – детская пытка для девочек номер четырнадцать, в аккурат между жвачкой номером тринадцать и скотчем номером пятнадцать.

– Я потерялась, и не могу найти свой дом, – действительно потеряно отвечала она, – там, где я жила раньше уже долгое время живут другие.

– Вам суждено выбрать новый дом, – предположил я, – если в старый вернуться не получается.

– Думаете пора? – испуганно глазела на меня она своими волшебными голубыми глазами, – я так устала бродить в одиночестве.

– У Вас еще есть время, – отвечал ей меритель времени, для наглядности посмотрев на свои настенные часы и призвав Ташу услышать в тишине их ход, – итак, пока Вас не найдут поживете у одного хорошего человека, только он плохо видит, но не переживайте, ваших светлых глаз хватит на двоих.

Удачи Феликс.

Должно быть небо столетие копило динамит для своего

грома и для молний поставило генератор, ибо не прекращало рваться в своей выси. Сами боги пребывали в вакхальном запое. А Бахус изрядно окупился. Перун в конец обезумел, полновластно глумясь над поверженным Ярило. А сами часы трудились вхолостую, земля разбухала, словно овсянка, впитывая вновь и вновь. Сам Ной отстраивал флотилию, модернизируя крейсера и не поспевая за новациями радиоэлектронных систем. Облачился во тьму Старый Южный, боясь зажечь свет, приманить в гости молнию. А я сидел перекидываясь картами в незатейливую пьяницу, так, в зависимости от достоинства перетягивая карты из стопки в стопку. Игра вполне рассчитанная на бесконечность, но, однако, имеющая завершение. В этот раз сигналом стал прыгающий мяч, лениво и гулко, детский резиновый. На этот момент шестерка забрала туза. Я отложил бессмысленную перестрелку карт, сложив их в одну цельную стопку.

– Шесток, – итогово произнес я, – Шесток, – закрепляюще.

– Шесток, явись, – из межкомнатной портъеры вышел угрюмый малыш, – ты готов? Тогда пошли.

Распахнутая дверь сообща с окном образовали туннель серости, а я лежал в одежде, готовый к приходу кого угодно.

И он пришел. Не в том виде, в котором предстал впервые. Он был пьян и грязен, местами оборван.

– Не будет сигаретки? – надсадно охрипший подал голос

из темноты Моррис.

– Я не курю, – эта досадность в конец сшибла его с ног.

Он откинулся в кресле, на которое прежде брезговал сесть.

– Я, знаете ли, я следил за Вами, – пытался он отыскать деловитость, даже выдерживал паузы, – я пришел в то райское место. Знаете ли, мне не хватило духу туда прийти в здравом уме, поэтому я немного его помрачил.

Меня подстегивал интерес, но я предвкушал его утоление.

– Я был там дважды, – развязывал он не стойкий язык, – сначала я познакомился с Альфредом и Элис, я помнил их совсем крохами, и знаете, все им объяснил. Кто была их мать и о нашей случайной связи, просто зов природы, большой разрушитель порядка, нежели любовь. Должно быть в диком инстинкте страсти и зародился не плод, а целое племя.

Он начал грызть ногти:

– Выплеснулось больше, чем могло уродить естество и вырастить земля. И я тогда молодой и столь безответственный, а ныне стар и одинок, но их мать, она поистине отмечена печатью безумия. А я берег родословную, знаете ли предок мой аристократ из северной Индии, – рукой он производил впечатление, – колониальной, разумеется. Я попросил у них прощения, думаю, они меня поняли, – омрачился он, – простят они меня позже. Во всяком случае, я благословил их, ведь предстоят трудные роды, на ее челе это видно, а отцовское благословение вещь немаловажная, знаете ли...

Я слушал закрыв глаза. Так уши мои внимали острее.

– Потом я упился в печь, – хлопнул он по ручке кресла, – или как вы говорите там? Никогда так тяжело и отратно не чувствовал я себя. И разодрался с местными в перья. Или как там вы говорите?

Он горько посмеялся, надеясь на мою реакцию, но я остался недвижим.

– А затем пили вновь. И уж не помню, как зовут эту тайскую шлюху, – он изобразил раскаяние, скорее подменив им обыкновенный утренний стыд, – и выпил столько, что не помнил и себя. Вновь навестил своих греховных чад, но до сих пор не пойму, то ли помешательство было, то ли наяву, – подыскивал он кончиком пальцев мысль, – я их не нашел, но встретил этого инвалида Феликса, и он тоже бросился на меня с кулаками, но не бить же калеченого, – показал он на свои лоскуты, – а потом и с ним выпили, а глаза-то страх, ужас, света белого не видит, – ускорился Моррис, – а я ему – я твой отец, а он хватать мне в морду, а я упал, а он меня опять, и схватились пока не устали валяться, потом еще по одной хряпнули. Я ему – где Элис? А он опять мне в морду. Но пришла тут Элис, развела нас, вроде руки пожали, но я пошел, от греха подальше.

– То не Элис, то Таша была.

Не видел его лица, но наверняка в нем было пьяное недоумение:

– И Элис, и Таша. Беременные бабы напали. Так что мог

и оружие применять смело в жандармскую бытность.

Быстро дело делается. Моррис все бормотал и бормотал уже невнятно, пока я не разбудил его положенную на грудь голову. Он засобирился было, но искать ему нечего и негде, потому он ограничился своими карманами, которые очевидно пусты. Он ушел. Да так и пропал было из моего поля зрения насовсем.

Проходя мимо РИПа я мельком оглядывался на завсегда-таев остановки, но не той что включена в автобусный маршрут. А та, что позади нее, где прячутся от дождя тунеядцы и собутыльники. Однажды я поинтересовался у них, но Морриса давно не видели. К тому времени стояли ясные дни, а непримечательная гроза осталась незамеченной в календарях.

Лишь позже я увидел на южном рынке Морриса:

– Моррис?

Он был чучелом, которое, одинокое, пытался сторговать худой бродяга с гнилыми зубами.

Моррис стоял будто живой и дежавю посетило меня, где-то я ощущал уже подобное, когда за мной наблюдают глаза недвижимые, но видящие. И я сторговался подешевле. Но маргиналу искусство было важнее, его обрадовало мое признание, потому он еще долго бил своими увесистыми не по погоде ботинками об асфальт, размахивая купюрой словно стягом, как полоумный.

Я же поспешил с Моррисом на Энергетиков. Я не сомне-

вался, что Моррис уже был там, но на всякий случай отнес туда и чучел. Затем удалился, никого не встретив, и лишь посмеявшись своему черному юмору. Хочу заметить, что я не кощунствовал, а реально счел это необходимым, насколько я умел читать взгляды. Будем надеяться, что рай благоволит новорожденным в каждом из миров. Что касается меня, я никогда вас не забуду, малыши из картонной коробки.

КУЛЕБАКСКИЕ ВЕДЬМЫ. ПРОДОЛЖЕНИЕ

Девушки удовлетворенно рдели, живопись моего головокружительного повествования не осталась без награды. Все три поцеловали меня в щеку, с огоньком Регина, со смущением Надя и с хладнокровием Аннет. Последняя же и начала:

– А расскажи про мужика с мечом, что за мужик такой, я забыла.

– Илья Муромец, – одновременно подхватили остальные девушки, Надя с сообразительностью открытого сердца, Регина с укором кругозору подруги.

Аннет и не повела бровью, действительно, из зазорного для нее до этого вечера были лишь замечания по поводу ее ног, о которых ранее она сама всегда не к месту упоминала, и вот наконец добилась признания их эстетичности. Словом, теперь она смело сокращала своими прекрасными шагами расстояние к моему вниманию. И ныне мне предстоял путь к ней навстречу, чтобы растопить этот ледник эмоций.

АГЛАЯ И ЭРОС

В Муроме отмечался праздник Святой Троицы. Прихожане набились в храмы, ожидая благодати, свободы и справедливости. Каждый по своим нуждам: мирским и абстрактным, загробным и сиюминутным. На улицы возле юродивых толпились люди и птицы, первые сгущались на громкие проповеди о грядущих катаклизмах, вторые на хлебные крохи, что разбрасывали громогласные провидцы в аффекте своих речей. Здесь священнодействовал бродяга Касий, чье прошлое было темным, даром, что он слеп глазами, но прозревший душой и самозабвенно призывавший к соблюдению слова Божьего. Остальные богословы не могли перекричать его красноречие, потому довольствовались подпевом.

Здесь и:

- Подайте на хлебушек, люди добрые!
- С праздником, православный народ!
- Христос вас любит!

Но все это в камчатских ложах, в партере же:

– И будет Великая Война! Сатана явит свой легион! Ждите, антихрист близко! Лик его будет свят! Лжепророк обманет вас и грянет апокалипсис, который пожрет вас и детей ваших! Ибо грешны вы все, прелюбодеи!

Изредка оратор смачивал горло. По всей видимости кагором. По обычаям бродячих проповедников зарос, отрас-

тил бороду и долго не мылся, ибо само тело греховно. Затем благословлял страждущих, особо тесно молодых дев и включал в пророчество вавилонскую блудницу, описывая ее впечатлительно. Внезапно он ткнул пальцем в привлекательную Аглаю:

– Родишь сына!

Отчего та растерялась, но все же головой кивнула.

В пророчество Касия ворвалась щуплая сиротка в холщевом мешке вместо одежды:

– Да, Касий, хороша девица! Но сможет ли она родить?

Аглая поспешила отойти, пока сиротка в конец не испортила своими речами будущие роды.

Аглаей эта привлекательная девушка с чертами лица, ассимилированными по стандартам красоты тех лет, стала совсем недавно. Ее длинные до пояса волосы остриглись по плечи, а ее дивные карие глаза возвелись к небу в одном единственном желании – зачать в чреве своем человека. Она даже перестала есть груши, ничего странного в этой аскезе, ибо их она очень любила. В навязчивой идее своей грешила на них, мол, это они не оставляют места дитю. Работала Аглая в агентстве недвижимости неподалеку от храма, и в миру известна была под другим именем. В жизни ее имелось все для титула успешной женщины: карьера – для провинции главное твердо сидеть на стуле, красота – волосы ранний каштан. Глаза – каштан поздний. Стройна, высока, но не крупна. А поджара словно борзая. Достаток

и муж красавец, высокий богатырь, ей подстать. И дело было, увы, не в нем. Во всей этой мозаике счастья не хватало единственного пазлика, маленькой капли молока, что смягчает кофейный вкус, от которого Аглае тоже пришлось отказать. Но увы, как много этих увы стало обнаруживаться в ее жизни. И высокомерие поднятое еще выше на уровень двенадцатисантиметровой шпильки обуздывалось походами по этим мистическим чертогам среди страждущих нечистоплотных толп.

Чтобы стать Аглаей, этой до поры безымянной красавице требовалось совершить обряд крещения. Тогда сразу при входе она преодолела отвращение старух-зазывал, распевających слоган дуэтом: «Заходи в наш храм, наши иконы самые святые». Затем она пожалела, что оделась чересчур вызывающе, во всем черном, но элегантно, по-летнему открыто. Поп ее оценивал слишком строгими религиозными критериями.

Обряд совершали у нее на дому, для этих целей Аглая прикупила детский надувной бассейн, который ей в пору стал ванной. Так используя его как купель Аглая облачилась в сорочку, которую тоже пришлось прикупать, ибо все ее туники были слишком коротки и уже греховны. А столь серьезное дело не терпит грязи. От попа разило дорогим мужским ароматом. Должно быть парфюмеры используют благодать в своих химических формулах. Поп освятил воду, прочитал молитвы и так вдумчиво глядел на длинную до пят сорочку

Аглаи. Он прикидывал: не мог ли бес затаиться в ее белоснежных складках или под ними, после чего пришел к однозначному выводу: «Снять».

Аглая замялась. После замужества она раздевалась лишь перед врачом, который был ее давним любовником, но он уже остался в прошлом.

– Я читала, что можно...

– В слове Божиим черным по белому, как пришла в мир, так и крестись. Хочешь родить или нет? – свирепел он.

Аглая краснела не за это, а за серьгу в интимном месте. Пришлось сбривать и узкую полоску, ибо в мир явилась Аглая без лобковой поросли и снимать серьгу из золота с вкрапленным бриллиантом. Когда завершились проволочки, вода остыла, но все бы ничего, но молитвы и ритуал длились столь основательно, что Аглая продрогла, уже опасаясь схватить вместе с благословением простуду. И бесов, стало быть, накопилось в ней столь много, что сам наместник Владыки изошел испариной. Аглая проклинала свои квартирные махинации, кои несли ей бесчестья. Затем она уже думала, что мужу в обнаженном виде не будет казаться с неделю. Но вот и подошло к концу столь тяжелое крещение, за кое она заплатила не только стыдом, но и алтыном, не поскупясь. И зайдясь в благодарностях, она выпроводила святого отца за порог, поглядывая с опаской на часы. Она теперь сияла переполненная уверенностью в исполнении уже не задуманного, но предначертанного.

Действительно, сам черт ей шептал обратиться к черной магии, но как хорошо, однако, что у церкви есть столь эффективные методы.

На следующий день явился тот же креститель с бутылкой кагора, предложив отметить ее явление в мир. Она тактично отказала, не пустив того дальше порога. Только сейчас она поняла, какой она профан в мужских помыслах. И пожалела, что повелась на это второе крещение, ибо впервые проходила ритуал в младенчестве, нареченная Ксенией, но поверила в эту лапшу про запятнанное имя. Все же придется попробовать и магию...

Ныне она пришла в другой храм, одетая скромнее обычного, но от каблуков не отказалась. В церкви было тесно и по-летнему душно, но литургию на своих выносливых икрах она вынесла легко. Могла бы и на одной ноге. Уж очень неприятна ей была публика, суетливая толчея со свечами от иконы к иконе, и этот бродяга с гнилыми, но целыми зубами, от которого воняло псиной, постоянно оборачивался и скалился. И страшен был рисунок в галерее: черепа вместо плодов на безлистном дереве. И вспомнила она предзнаменования апокалипсиса – как в базе ее компьютера стали вбиваться сами собой дома с пометкой «горелый» и датами будущих лет. И их было так много, что казалось, вот-вот мир будет объят огнем и сойдет с ума. Но затем вирус успешно вылечил какой-то зеленый клоп.

Она порешила, что в следующие выходные поедет в Диве-

ево. Вообще она мало вникала в метафизику до своей проблемы, но знала, что в любой непонятной ситуации люди едут в Дивеево. Может быть, там иконы святее? Она уже шла от Касия легкой поступью, ибо шпильки ее подковала сама надежда, как вдруг к ней привязался старик. По моде бородат и космат, одет в подобие вышиванки и шаровары. До обуви ее взгляд не добрался, остановившись на его свирепых блекло-голубых глазах, приближавшихся и неотступных. Маленький деревянный крестик прыгал на веревочке по его груди и дважды за день, насколько она считала, в нее казали пальцем:

– Ты!

Аглая опешила, но успела ухватить мысль, что плод ее уже во чреве, раз его замечают столь безапелляционно странные люди.

– Верни сына, – звучало угрожающе, но более ее страшила нелепица, в которую ее величество было втянуто посреди площади под вниманием прохожих, – ты его украла, – не унимался долговязый старик, – верни!

Требования подхватили закутаные в платки бабки, вторя абсурду сумасшедшего.

– Добром прошу, ведьма! Вернешь?!

Но Аглая была не из тех, кто возвращает заполученное:

– Не верну! – решительно ответила она и уже повернулась к подошедшим к ней ментам.

Те порешили забрать настырного безумца после того, как

доедят шаурму. И пока они жевали, роняя куски капусты и капая соусом, старик проклинал так жестоко, так по-шекспировски, что публика множилась, а неуют Аглаи разрастался и казалось сотряслось само ее нутро. Ее стошнило аккуратно, даже элегантно, и тут же она нашлась с салфетками.

Ночами ей не давали спать воспоминания того инцидента, в ее ушах не утихал старик. На пятый день она пошла в отделение милиции на Московской, где за красивые глаза ей сказали, что чудак безработный с улицы Трудовой, что уж совсем для последней оскорбительно. Но зарабатывает на хлеб для себя, жены и пятерых дочерей ремонтом сапог и заговорами. Нрава вспыльчивого, но не пьющий. Ортодоксальный старообрядец, кое-где слывет как пророк, кое-где как колдун, но все это местного масштаба. Гармонь и балалайку отрицает. Имеет печь, живет в деревянном доме, откуда доносится библейское чтиво. Примечательно, что просидел он три дня в камере, не уgomонился и был выпущен, потому что завонял, а также развел клещей, клопов и пауков, которых вероятно имел при себе. Власть не признает и не признает.

Примечательно, что Аглая была встревожена вот еще каким фактом. Муж ее запил, невиданное дело, да еще и непонятно, где пропадает два дня и две ночи. Радость от тошноты прошла, прошел и желудочный дискомфорт. Плод не являл присутствия, значит, семя не прижилось. Пусть судить рано, но своим женским пониманием она почувствовала осечку. Раз муж пошел в разгул значит нужно немедленно при-

ниматься за дело. Об этом она поведала мне на муромском рынке, где мы встретились случайно, пока я сосредоточил внимание на картриджах от Сеги, весьма несолидно держа упаковку со смешными ToeJam and Earl, а ведь минуту назад в руках были вполне уважаемые Doom troopers⁴

⁴ Игры японской приставки Sega

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.